

«СЕВЕРНЫЙ РЕНЕССАНС» В•РЕГИОНЕ•ВКЛ

Сергей•Санько

Сергей Санько — кандидат философских наук, этнокультуролог.
Автор работ о белорусской традиционной культуре, индоевропейской
и балто-славянской мифологии, проблемах этногенеза белорусов,
философии мифа, этносемиотики, истории идей.
Соавтор и научный редактор энциклопедического словаря
«Беларуская міфалогія» (2004, 2006).

Карта северной Европы, начало XVII в.

Концепция «Северного Ренессанса» формировалась постепенно на протяжении всего XX в. Так, в изданной в 1917 г. монографии Эфраима Эмертона (*Ephraim Emerton*) анализу «Северного Ренессанса» была посвящена вся последняя десятая глава, которая так и называлась «Северный Ренессанс»¹. Время от времени термин появлялся в публикациях 20-х — 40-х гг. Преимущественно он применялся к периоду Реформации, хронологически ограничивался преимущественно XVI в. и часто был синонимом «северного гуманизма» или «христианского гуманизма». Неконцептуализированность «Северного Ренессанса» проявлялась даже в том, что определение «северный» писалось со строчной буквы. Кроме того, термин мог употребляться и в более узком смысле для характеристики специфичного стиля северо-европейского изобразительного искусства, начало которому было положено произведениями фламандского живописца Яна ван Эйка (нидерл. *Jan van Eyck*, около 1385 или 1390—1441), а также выдающегося немецкого художника Дюрера (1471—1528).

Дискуссии вокруг концепции «Северного Ренессанса» оживились со второй половины XX в., когда начали появляться монографические исследования, в которых термин «Северный Ренессанс» стал выноситься в заголовок². В 80-е, а ещё более в 90-е годы XX в. и в начале XXI в. термин стал общепринятым, а количество публикаций на эту тему уже едва ли поддается учету. В 2009 г. начал выходить специализированный журнал «Journal of the Northern Renaissance», издаваемый Шотландским институтом исследований Северного Ренессанса (Scottish Institute of Northern Renaissance Studies, SINRS).

Но несмотря на большое количество публикаций, хоть какого-то единообразия во взглядах на суть и специфику Северного Ренессанса и даже на его хронологию до сих

¹ Emerton E. *The Beginnings of Modern Europe (1250—1450)*. Boston, 1917. P. 509—533.

² Phillips M. M. *Erasmus and the Northern Renaissance* London, 1949.; Stechow W. *Northern Renaissance Art, 1400—1600: Sources and Documents*. Prentice-Hall, 1966; *The Northern Renaissance*. Ed. L. W. Spitz. New Jersey, 1972.

Карта Юго-Восточной Прибалтики (*Magni Ducatus Lithuaniae, Livoniae et Moscoviae Descriptio*). Автор — Мацей Струбич (*Maciej Strubycz*). Кёльн, 1589 г.

пор не достигнуто. Эти взгляды существенно зависят как от академической специализации авторов конкретных исследований, так и от того, из какой страны происходит тот или иной автор. Что касается хронологии, то одни авторы склонны датировать появление черт Северного Ренессанса самым началом XV в. и связывать с творчеством Яна ван Эйка³, а также с произведением Томаса Кемписа (*Thomas à Kempis*, настоящее имя *Thomas Haemerken*, около 1380—1471) «Подражание Христу» («Imitatio Christi»)⁴. Другие авторы ограничивают его началом XVI — началом XVII вв., т. е. преимущественно периодом Реформации.

Трактовка термина также неоднозначная. Для одних Северный Ренессанс — это Ренессанс вне границ Италии. При такой трактовке в одном ряду оказываются ренессансные явления, например, в Германии и Испании. Для других к Северному Ренессансу имеют отношение только страны, охваченные реформационным движением. Причина разногласий относительно датировки и понимания Северного Ренессанса связана, на наш взгляд, с разным характером его проявлений в разных заальпийских (относительно Италии) странах, только в этом контексте обобщенно называемых «Северной Европой».

Чтобы концепция Северного Ренессанса могла быть применена к интеллектуальной ситуации в ВКЛ, по крайней мере, в XVI в., необходимо решить ряд терминологических и концептуальных вопросов. Во-первых, что такое «Север» и в каком смысле ВКЛ относится к «Северной Европе». Во-вторых, почему то, что происходило в интеллектуальной и художественной жизни ВКЛ, может быть отнесено к Ренессансу.

Идея «Севера», на самом деле, не столь очевидна, как могло бы казаться на основе каких-то общих интуиций. Недаром инаугурационная статья Эндрю Хэдфилда (*Andrew Hadfield*) в первом номере журнала «Journal of the Northern Renaissance» была названа «Идея Севера» («The Idea of the North»)⁵. Э. Хэдфилд эксплицирует ряд оппозиций, которые характеризуют оппозицию Север — Юг и восходят к трактату Тацита «Германия», где, в частности, указывается, что, несмотря на тяжелые условия жизни и простоту её устройства, северные варвары характеризуются свободолюбием, в отличие от рабской услужливости римлян во времена Домициановой тирании; нравственностью, в том числе и в вопросах сексуального поведения, в отличие от развращенности римлян; героизмом, благородством и сдержанностью и т. д., а одним словом, теми качествами, которые римляне стали окончательно утрачивать. Отметим, что, начиная с Иордана (VI в.), через произведения Адама Бременского (XII в.) и Гельмольда (XII в.) и вплоть до Эразма Стеллы (XVI в.) и некоторых других ренессансных авторов, этот образ «благородных варваров» применялся к жителям Юго-Восточной Прибалтики (пруссков, литвинов) и региона ВКЛ. Как попробовал доказать Хэдфилд, главная оппозиция, которая вдохновляла идеологов Северного Ренессанса, — это оппозиция аристократически-демократического Севера и тиранического Юга. Эта оппозиция действительно была в центре идеологических дискуссий, в частности, в Швеции и, в особенности, ВКЛ в XVI в., но, едва ли эта черта может быть определяющей для характеристики Северного Ренессанса.

Тем не менее, начиная с эпохи Средневековья устанавливается определенный культурный стереотип восприятия Литвы как северной страны, страны под Северной (Полярной) звездой. Этот стереотип имел источник в произведениях античных авторов, для которых Север был там, где находятся Рипейские горы, с которых берут начала крупнейшие восточноевропейские реки — Западная Двина, Днепр, Дон. Этот стереотип перешёл в наследство ренессансным историкам и даже был ими еще более усилен. Этому не помешало ни развитие дипломатических, экономических и культурных контактов, ни развитие, в особенности в XVI в., картографии и науки навигации, ни изобретение примерно в 1300 г. корабельного компаса, который позволял надёжно определять северное направление. Как показало исследование К. Мэлоуна⁶, в Средневековье сосуществовали две картографические традиции: одна — с более-менее точным обозначением северного направления, а вторая — с поворотом оси Север — Юг на 45° по часовой стрелке, т. е. как раз так, чтобы точка Севера находилась в направлении мифических Рипейских гор. Кроме того, относительное похолодание, называемое даже «малым ледниковым периодом», которое началось в Европе в XIV в., сделала климат этой страны в зимнее

³ Stechow W. Ibid.

⁴ Vault B. S. *Modern European History*. Winthrop, 1990.

⁵ Hadfield A. The Idea of the North // *Journal of the Northern Renaissance*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 1–18.

⁶ Malone K. King Alfred's North: A Study in Mediaeval Geography // *Speculum: A Journal of Mediaeval Studies*. 1930. Vol. 5. № 2. P. 150.

время ещё более суровым. Поэтому нечастые путешествия сюда западноевропейцев не обходились без описаний огромных сугробов и жестоких морозов.

Так, придворный польский историк XV в. Ян Длугош называет литовцев и жемайтов «самым таинственным среди северных народов» («*inter septemtrionalis populos obscurissimi*»)⁷, а несколькими страницами ранее характеризует страну как «северные края» («*septemtrionales regiones*»)⁸. Перейдя к изложению известной ему версии «римского мифа», Длугош рассказывает, как сторонники Помпея вынуждены были, спасаясь от преследований со стороны Цезаря, покинуть свою родину и как они «пришли с женами, семьями и стадами в северную страну (*ad plagam septemtrionalem*), в просторы пустые и безлюдные, доступные одним диким зверям, которые почти все время опаляются стужами (*quae assiduis fere uruntur frigoribus*), а писателями называются пустошами (*indagines*)»⁹. И завершает нарисованную им картину следующим образом¹⁰:

Tam Lithuanicae autem quam Samagitticae gentes gelidissimum septemtrionis axem magna ex parte spectant, adeoque imbre et frigore rigescunt... Duobus tantummodo mensibus in utraque regione sentitur magis quam habetur aestas: reliqua anni tempora frigore regent. Coguntur proinde male matura frumenta igne torrere et artificioso colore illis maturitatem conferre.

Как литовский, да и жемайтский народы живут в самой студёной области, преимущественно повернутой к северному полюсу, и так стынут от дождей и морозов, что многие гибнут от стуж... Только два месяца в обоих тех краях скорее еле ощущается, чем длится лето, остальное время года они мёрзнут от холодов. Так что они вынуждены плохо поспевшее зерно сушить на огне и придавать ему спелость искусственным теплом.

Отмеченная Длугошем ориентация Литвы в направлении «северного полюса» была настолько прочным тогдашним стереотипом, что Николай Гусовский (*Nicolaus Hussovianus, Mikołaj Hussowczyk*, около 1470 — после 1533), который в 1522 г. для папы Льва X написал известную «Carmen de statura feritate ac venatione bisontis» («Песню про величину и дикость зубра и охоту на него»), чтобы сориентировать южноевропейского читателя относительно локализации своей родины, в самом начале помещает её там, где «знак Медведиц под полюсом неба» («*arctoi nota sub axe poli est*»). Подобным же образом локализует страну, в которую его забросил жребий, поэт-гуманист, филолог, первый ректор университета Альбертина в Королевце (Кёнигсберге) Георгий Сабин (*Georgius Sabinus (Schuler)*, 1508—1560) в элегии, адресованной итальянскому гуманисту и учёному кардиналу Пьетро Бембо (*Pietro Bembo*, 1470—1547):

*Namque ferox hominum genus est et agreste sub arcto,
Notitiam nondum quod pietatis habet:
Caeruleos instar sed adorat numinis angues
Mactatoque litat sacra nefanda capro.*

Ибо существует род диких деревенских людей под Северной звездой,
Который ещё не имеет представления о настоящей набожности,
Но, как божеству, поклоняется чёрным змеям
И, убивая козла, справляет гадкие священнодействия¹¹.

Это выглядит странным, ведь относительно Италии так можно было бы локализовать Скандинавию. Однако вспомним, что в символической или мифической географии «настоящий» Север находился там, где были мифические Рипейские горы, а символическое мышление в эпоху Ренессанса легко уживалось с мышлением рационалистическим.

Стереотип восприятия ВКЛ как Северной страны *par excellence* продержался до гибели самой страны и в XVIII в. был перенесен на Россию. Этому способствовало постепенное открытие европейцами самой России, что убедительно проанализировано в статье В. Г. Паркера «Европа: как далеко?»¹². Процесс освоения/присвоения символизма Севера русской литературой, а вместе с ней и массовым сознанием, в особенности в XIX в., детально описан в монографии О. Боэле¹³.

⁷ Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. I. Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / Vėlius N. (sudar.). Vilnius, 1996. P. 558.

⁸ Ibid. P. 555.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. P. 556.

¹¹ Sabinus Georgius. Poëmata Georgii Sabini Brandeburgensis v. cl. et numero librorum, et aliis additis avcta, et emendatius denuo edita. Lipsiae [Leipzig], 1597. P. 156.

¹² Parker W. H. How Far? // The Geographical Journal. 1960. Vol. 126. № 3. P. 278–297.

¹³ Boele O. The North in Russian Romantic Literature. Rodopi, 1996.

Таким образом, мы можем утверждать, что и географически, и символически территория ВКЛ принадлежала Северу Европы. Теперь стоит рассмотреть, в каком смысле Ренессанс в регионе ВКЛ может считаться Северным Ренессансом.

Для того чтобы Северный Ренессанс и Итальянский Ренессанс одинаково могли характеризоваться как «ренессансы», надо определить некоторые их базовые типологические черты, в специфике проявлений которых и был бы сокрыт корень их различий.

На наш взгляд, главной из таких типологических черт можно считать «переоткрытие античности». Более того, по аналогии с названием эпохи Великих географических открытий, которая невероятно расширила и географический и этнографический кругозор европейцев, эпоху Преренессанса и собственно Ренессанса можно назвать эпохой Великого открытия античности, которая невероятно раздвинула интеллектуальный кругозор.

Эта эпоха началась творчеством таких известных падуанских предгуманистов, как Ловато Ловати (*Lovato Lovati* или *Lovato de' Lovati*, около 1240—1309), Альбертино Муссато (*Albertino Mussato*, 1261—1329) и др. Их творчество оказало заметное влияние на одного из первых итальянских гуманистов и идеолога Возрождения Франческо Петрарку (*Francesco Petrarca*, 1304—1374). Последний, в своих путешествиях (с 1333 г.) по Северной Франции, Фландрии, Германии имел возможность знакомиться с европейскими интеллектуалами, а также древними манускриптами в монастырских библиотеках. В 1337 г. он навестил Рим и был впечатлен его прежним величием. «Важнейшим художественным открытием, сделанным

Петраркой в годы странствий, стало «открытие природы и человека». Во всяком случае, именно тогда оно было им программно осознано»¹⁴. Во время уединённого проживания в Воклюзе, недалеко от Авиньона, в 1337—1353 гг. Петрарка не только занимался поэзией, но и науками о древности, в частности, греко-римской, которая позже под названием *studia humanitatis* (в отличие от *studia divina*) станет обязательной для всякого образованного европейца¹⁵. По-прежнему в обучении большое внимание уделялось изучению «семи свободных искусств», в состав которых входили *quadrivium* (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) и *trivium* (грамматика, риторика и логика), но особое внимание стало уделяться изучению грамматики, риторики, поэзии, истории и этики¹⁶.

Именно с деятельностью Петрарки можно связывать начало собственно Ренессанса, не как характеристики художественного стиля, а как широкого интеллектуального движения, которое в той или иной степени, с теми или иными особенностями охватило большинство стран Европы. Хотя сам термин «Возрождение» (*Rinascimento*) впервые был употреблен итальянским гуманистом XVI в., основателем современного искусствоведа, Джорджо Вазари (*Giorgio Vasari*, 1511—1574). В современном смысле термин «Ренессанс» (фр. *Renaissance*) был введен французским историком Жюлем Мишле (*Jules Michelet*, 1798—1874) только в XIX в. (примерно в 1855—1858 гг. в его «Истории Франции»).

Карта северных королевств (*Royaumes Du Nord*) Автор — Алан Манессон Мале (*Alain Manesson Mallet*). Франкфурт, 1686 г.

¹⁴ Хлодовский Р. Франческо Петрарка и гуманизм Треченто // История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 3. Москва, 1985. С. 68—77.

¹⁵ Там же.

¹⁶ The Italian Renaissance: the Essential Readings / Findlen P. (Ed.). Malden — Oxford — Carlton — Berlin, 2002. P. 215.

Культовый камень,
д. Гарждеде, р-н Кретинги, Литва

Впервые культура итальянского Ренессанса была монографически исследована швейцарским историком культуры Якобом Буркхардтом (*Jacob Christoph Burckhardt*, 1818—1897) в его книге «Культура итальянского Ренессанса» (1860 г.)¹⁷.

¹⁷ Burckhardt J. Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch. Basel, 1860.

Существенное значение имело открытие и введение в научный оборот рукописей многих античных авторов. Так, почти забытый европейцами Тацит стал активно изучаться именно с XIV в. «География» Страбона становится известной западноевропейцам только с 1438 г. Многие для возвращения классического наследия сделал итальянский гуманист и антиквар Поджо Браччолини (*Gianfrancesco Poggio Bracciolini*, 1380—1459), который отыскал в монастырях Франции, Германии, Англии большинство речей Цицерона, рукописи Вегеция, Аммиана Марцеллина, «Десять книг об архитектуре» («*De architectura libri decem*») Витрувия, «Двенадцать книг риторических наставлений» («*Institutionis oratoriae libri duodecim*») Квинтилиана и другие редкие или неизвестные тексты латинских авторов.

Ещё большее значение для распространения *studia humanitatis*, в частности ренессансного антиковедения имело изобретение в середине XV в. книгопечатания Иоганном Гутенбергом (*Johannes Gensfleisch zur Laden zum Gutenberg*, между 1397 и 1400—1468). И уже с 1469 г. начинают печататься сочинения Тацита, а с 1472 г. начинают выходить печатные издания оригинала и переводов «Географии» Страбона. Вместе с тем заметно возрастает интерес к философии Платона, в отличие от схоластических увлечений Аристотелем. В перспективе это приведёт к полному краху средневековой физики и космологии и появлению науки Нового времени. А. Койре даже называл новую науку «реваншем Платона». Последнее, конечно, явное преувеличение, но определенная доля правды тут есть.

Однако Великое открытие античности имело, по крайней мере, три опасных для позднесредневековой культуры последствия. Во-первых, вместе с открытием греко-римской античности итальянские гуманисты открывают для себя и определённое очарование античным язычеством, при этом, как правило, оставаясь людьми верующими. Во-вторых, возникла очевидная проблема согласования библейской и античной (в частности, платоновской) хронологий истории. В-третьих, происходит обращение к широкому использованию народных разговорных языков, в том числе для

перевода и толкования текстов Святого Писания. Гуманистическая мысль резонировала между тремя парами полюсов: 1) между язычеством и христианством; 2) между античной и библейской хронологией истории; 3) между разговорными и классическими языками.

На «ренессансный паганиззм» обратил внимание уже Якоб Буркхардт в упомянутой работе. По его наблюдениям дело доходило до того, что в ту эпоху слова «поэт» и «язычник» воспринимались почти как синонимы¹⁸. Этого очарования не избежал даже известный «папа-гуманист» Пий II (1458—1464)¹⁹, который, помимо прочего, ещё будучи просто Энеем Сильвием Пикколомини (*Aeneas Sylvius Piccolomini*, 1405—1464), восхищался не только античной поэзией, но и сам писал стихотворения достаточно вольного содержания. В стихотворениях Пикколомини, кроме образов Христа и Девы Марии, мы встречаем таких персонажей греко-римской мифологии, как Аполлон и Венера, Бахус и Церера, Диана, Орфей и некоторых других²⁰.

Не в меньшей степени, чем поэты, к «языческому возрождению» причастились такие художники, как Боттичели (*Alessandro di Mariano di Vanni Filipepi*, более известный как *Sandro Botticelli*, около 1445—1510) с его холстами «Венера и Марс» (1483), «Рождение Венеры» (1486) и др.; Рафаэль (*Raffaello Sanzio da Urbino*, 1483—1520) с его «Парнасом» (1511); Тициан (*Tiziano Vecelli* или *Tiziano Vecellio*, около 1473/1490—1576), который написал «Данаю», «Похищение Европы» (1562), целую серию картин с образом Венеры и много других на мотивы античной мифологии²¹.

Тема «Ренессанс и язычество» довольно активно дискутируется уже почти сто пятьдесят лет, начиная с пионерской работы Буркхардта²². Одни исследователи безусловно принимают тезис про языческий характер итальянского ренессанса. Другие склонны считать тезисы про ренессансный (нео-) паганизм мифом, заявляя, что Ренессанс был чисто христианской эпохой и что про «паганизм» можно говорить только в том смысле, что стала всё более расширяться сфера нерелигиозных интересов интеллекта²³. Прежде всего критические выпады направляются на категоризм Буркхардта в этом вопросе.

Безусловно, говорить категорически о возрождении язычества в эпоху Ренессанса нельзя. Скорее речь должна идти о своеобразном освоении/присвоении античности. Для компромисса были и «теоретические» основания: античные языческие авторы и герои имели «алиби», ведь они жили задолго до рождения Христа и уже поэтому не могли быть христианами²⁴, однако и их как-то коснулось божественное просветление. Они так же готовили души к восприятию Откровения, как Ветхий Завет готовил души к восприятию Нового Завета²⁵.

Однако если для итальянских гуманистов древнее язычество, прежде всего греко-римское, было делом давно минувших дней и реанимация некоторых его проявлений в философии, историософии, поэзии, искусстве действительно выглядела как «возрождение», то для северных гуманистов чуть ли не главным источником «очарования античностью» стало так называемое начальное христианство, или христианство первых христиан, которые ещё не знали жесткой церковной иерархии с преданностью церковных иерархов «князю мира сего».

Для «языческого возрождения» были причины и внутреннего порядка. Несмотря на то, что с момента формального провозглашения христианства государственной религией Римской империи и принятия церковного канона на Никейском соборе (325 г.) до итальянских предгуманистов и гуманистов прошла почти тысяча лет, это тысячелетие было временем более или менее глубоких компромиссов между древней религиозностью римлян и новым вероучением. И западное, и восточное христианство существовали в условиях прочного двоеверия, будучи вынужденными адаптироваться к своему канону многие значимые представления и элементы обрядности, которые продолжали бытовать и в среде простого народа, и среди аристократов.

На это обстоятельство специально обратил внимание Владимир Соловьев в докладе 1891 года в Московском психологическом обществе «О причинах упадка средневекового мирозерцания»: «Средневековое мирозерцание и связанный

¹⁸ Ibid. S. 165.

¹⁹ Ady C. M. Pius II (Aeneas Silvius Piccolomini): The Humanist Pope. London, 1913.

²⁰ Piccolomini E. S. Papa Pío Segundo. Poemas / Introducción, texto latino y notas de Ana Pérez Vega. Orbis Dictus, 2004.

²¹ Bull M. The Mirror of the Gods. Oxford, 2005.

²² Saxl F. Pagan Sacrifice in the Italian Renaissance // Journal of the Warburg Institute. 1939. Vol. 2. № 4. P. 346–367; Wind E. Pagan Mysteries in the Renaissance. Faber and Faber, 1958; Godwin J. The Pagan Dream of the Renaissance. Phanes Press, 2002.

²³ Korvela P. — E. Machiavelli's Critique of Christianity // Redescriptions: Yearbook of Political Thought and Conceptual History / Palonen K., Ihalainen P., Pulkkinen T., Disch L. (eds.). Berlin — Hamburg — Münster, 2005. Vol. 9. P. 184.

²⁴ Mickūnaitė G. Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania. Budapest — New York, 2006. P. 272.

²⁵ Kristeller P. O. Renaissance Thought and The Arts: Collected Essays. Princeton — New York, 1990. P. 64.

с ним строй жизни, как на Западе, так и на Востоке, представляют собой исторический компромисс между христианством и язычеством и имеют характер двоеверия или полуверия. Этот компромисс ошибочно принимается за само христианство как его противниками, да и защитниками»²⁶. Как отмечают Ю. Степанов и С. Проскурин, это взаимодействие двух мировоззренческих систем «не закончилось ещё и в наши дни»²⁷.

На полуязыческий характер западного христианства первыми внимание обратили сами гуманисты уже в XVI в. Так, в лекции 1556 г. «О религии древних римлян» («Discours de la religion des anciens romains») французский историк Гийом дю Шуль (Guillaume Du Choul, 1496—1560) — первый историк римской религии — отметил, что при пристальном рассмотрении религиозных установлений христианства можно заметить, что многие из них заимствованы у египтян и язычников²⁸. Примерно в это же время итальянские гуманисты Алессандро Алессандро (Alessandro Alessandri) и Полидоро Виргилио (Polidoro Virgilio) в своих исследованиях литургической практики древних народов заметили, что бескровное жертвоприношение впервые было введено Нумой Помпилием, что египтяне умилоствивляли своих богов куском освящённого хлеба и что месса имела языческие истоки²⁹. Ещё через столетие на языческих истоках христианских церемоний настаивали французский историограф и критик религии Пьер Бейль (Pierre Bayle, 1647—1706) и протестантский учёный Пьер Мюссар (Pierre Mussard, 1630—1786), в частности, П. Мюссар в своём памфлете 1667 г. утверждал, что римо-католическая месса есть не что иное, как умилоствивляющая жертва³⁰. Как показал Ф. Саксл, тема языческих жертвоприношений становится уже с XIII в. популярной как в литературе, так и в изобразительном искусстве, а с середины XV в. попадает и на театральные подмостки³¹. В конце XV — начале XVI вв. интерес к этой теме достигает в Италии своего апогея.

Формальная христианизация Восточной Европы, начавшись в конце X в., растянулась почти на полтысячелетия и прежде всего охватила феодальную верхушку и городское население. Но в отличие от Киева и Новгорода, где крещение было совершено по великокняжескому приказу и имело точную хронологическую привязку (Киев — 988 г., Новгород — 990 г.), в Полоцком княжестве процесс христианизации был медленным и постепенным, проходил в сложном взаимодействии новой и «прадедовской» религиозности, растянулся более чем на столетие, и только в начале XII в. крещение было официально одобрено³². Вспомним знаменитого полоцкого князя Всеслава Брючиславовича, который получил прозвище Чародей, со временем княженья которого также связано и возведение Софийского собора в Полоцке. «И хотя после смерти Всеслава Чародея православие начинает распространяться более активно, оно просто физически не могло вести себя агрессивно в отношении местных языческих реалий. Шло постепенное номинальное окрещение языческих святилищ, где, как и раньше, продолжали отправляться дохристианские ритуалы и обряды. Это вполне напоминает ирландский вариант христианизации, когда христианские священники, ради того чтобы как-то закрепиться, вынуждены были мирно контактировать с друидами, многое заимствуя у них. Про ограниченную деятельность церкви на Полотчине свидетельствует тот факт, что почти из 300 лиц XII—XIII вв., канонизированных Русской православной церковью, только 3 имеют отношение к этим землям»³³. Это обстоятельство позволяет расценивать заключение И. Марзалюка о том, что нет «никаких оснований рассматривать восточнославянское население Северо-Восточной Беларуси в XII—XIII вв. как языческое»³⁴ как слишком поспешное.

Образование в XIII в. Литовского княжества ещё более замедлило этот процесс. На территории Беларуси значительная часть населения, в частности балтоязычного, столетиями оставалась даже формально не окрещённым. Ситуацию реального двоеверия как нельзя лучше иллюстрирует колебание Миндовга между христианством и прадедовским язычеством. Ситуация только осложнилась после 1387 г., когда Ягайло принял решение крестить Литву по западному обряду. Характерно, что два из нескольких первых костёлов были построены на территории Беларуси, в наиболее прочных язы-

²⁶ Соловьев В. Положения к чтению Влад. Соловьева в Психологическом обществе «О причинах упадка средневекового мирозерцания» // Соловьев В. Избранное. Москва, 1990. С. 424.

²⁷ Степанов Ю., Проскурин Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. Москва, 1993. С. 9.

²⁸ Du Choul G. Discours de la religion des anciens Romains. Lyon, 1581. P. 339.

²⁹ Saxl F. Pagan Sacrifice in the Italian Renaissance. P. 346.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. P. 347—348.

³² Лобач У. Да пытання аб хрышчэнні Полацкай Крыўі // Беларусь у сістэме транс'еўрапейскіх сувязяў у I тыс. н. э.: Тэзісы дакладаў і паведамленняў міжнароднай канферэнцыі (Мінск, 12—15 сакавіка 1996 г.). Мінск, 1996. С. 51.

³³ Тамсама. С. 50.

³⁴ Марзалюк І. Пахавальны абрад як гістарычная крыніца па хрысціянізацыі Паўночна-Усходняй Беларусі // Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий: Международная научная конференция (30 января — 1 февраля 2002 г.): Доклады и сообщения. Магілёў, 2002. С. 192.

Почитание литвинами огня, леса и ужей. Иллюстрация из книги «История северных народов» (*Historia de gentibus septentrionalibus*) Олафа Магнуса. Базель, 1567 г.

ческих анклавов в Гайне (теперь Логойский р-н) и Обольцах (теперь Толочинский р-н). Что и этот акт был скорее формальным, показывает то, что во время визита в Великое Княжество Литовское в 1413 г. Иероним Пражский принимал личное участие в мерах по искоренению языческих обычаев, что и описал в своём оправдательном письме на Констанцком соборе, где он (в 1416 г.) и его друг и сподвижник Ян Гус (в 1415 г.) были осуждены на сожжение. Эти записки использовал Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий II) в своём описании Литвы. Так, он свидетельствовал³⁵:

Ex Schlavis enim alii Romanam ecclesiam sequuntur ut Dalmatae, Croatini, Carni ac Poloni. Alii Graecorum sequuntur errores ut Bulgari, Rutheni et multi ex Lituaniis. Alii proprias haereses invenere ut Bohemi, Moravi et Bosnenses, quorum magna pars Manichaeorum imitatur insaniam. Alii gentili adhuc caecitate quemadmodum multi ex Lituaniis idola colentes. Horum magna pars aevo nostro ad Christum converse est, postquam Vladislaus ex ea gente Poloniae regnum accepit.

Из славян некоторые придерживаются римской церкви, такие как далматы, хорваты, карнийцы и поляки. Некоторые придерживаются ошибок греков, такие как болгары, русины и многие из литвинов. Некоторые изобретают собственные ереси, такие как чехи, моравы и боснийцы, большая часть которых перенимает безумство манихеев. Иные язычники поныне держатся тьмы, чувствуя болванов так, как многие из литвинов. Их большая часть в наше время обращена ко Христу, после того как Владислав из их народа получил Польское королевство.

Стоит особо отметить, что большую часть своего визита в Литву Иероним Пражский провел в Северо-Восточной Беларуси, навещая разные города и городки, а в Витебске задержался на целых два месяца. Именно тут он развернул свою активную проповедническую деятельность, и, очевидно, к этой территории относятся его описания местного язычества литвинов. Из них мы узнаем, что литвины чествовали змей, содержали их в своих домах; ворожили на судьбу по теням, которые образовывались в отблесках святого костра; чествовали Солнце и железный молот, посредством которого Солнце было освобождено из многомесячного (очевидно, зимнего) плена; что самым чтимым

³⁵ *Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Herausgegeben von Theodor Hirsch, Max Töppen, Ernst Strehlke (Herausgeg.). Leipzig, 1870. Bd. 4. S. 238.*

Почитание камня-следовика
у д. Волошево, Слуцкий р-н,
Беларусь. Фото Ольги
Лобачевской, 2006 г.

у литвинов был культ святых рощ, вырубать которые было запрещено под страхом смерти³⁶. В проповедническом задоре Иероним приказал сжечь змей в кострах, места, где горели святые огни, уничтожить, а святые рощи и вечные деревья высечь. Наконец это вызвало неудовольствие среди местных жителей, и они обратились с жалобой к Витовту. Не желая лишних проблем в государстве, Витовт «отозвал назад письма, в которых давал наместникам воеводств приказ подчиняться Иерониму, и приказал ему уйти из страны»³⁷. Таким образом, слишком успешной миссию Иеронима никак не назовешь.

В XV в. Великое Княжество Литовское вошло в ситуации даже не двое-, а троeverия с полуязыческими (*semipaganus*) православием и католицизмом и живым ещё местным язычеством, хотя институциональные основы последнего в основном были подорваны. Так, по свидетельству анонимной «Церковной истории», последний первосвященник язычников всего региона ВКЛ Креве-Кревайто умер в 1414 году³⁸:

Postea floruit in Ducat, tantum Samogitiae, usque ad extremum tempus conversionis, scil. ad ann. 1414. Men. Jullii 28 d qua mortuus est in villa Onkaim, ultimus Krewe-Krewayto, nomine Gintowtus. No.. LXX. IV. Flamen. Cum eo verum extincta est dignitas, magni olim ponderis in rebus sacris, judiciariisque, per totam terram Lethovicam: Prussiam, Lithuaniam, Samogitiam, Curroniam, Semigalliam, Livoniam, Lethigaliam nec non Kreviczensium Russorum; qua in declinio XI saeculi incipit sensim deperire; denique tenebrae eviternae paganismi, fugientes de terra in terram, dissipatae sunt antefacem christianae fidei, et crucis sancti.

После [язычество] процветало в Княжестве, а более всего в Жемайтии, крещёной в самое последнее время, а именно до 28 июля 1414 года, когда в деревне Анкайм умер высший Креве-Кревайто по имени Гинтовт, 74-ый жрец. С ним, в действительности, пришёл в упадок титул, некогда очень важный в сакральных и судебных делах во всех землях литовских: пруссов, литвинов, жамойтов, куршей, земгалов, ливонцев, латгалов, а также кривицких русов; каковое [язычество] в конце XI столетия начинает понемногу прозябать; наконец, вечный сумрак язычества, сбегая от земли до земли, рассеялся перед светом христианской веры и святого креста.

Однако локально язычество продолжало существовать, а подчас успешно конкурировать с христианством, и в следующие столетия. В XVI—XVII вв. в ВКЛ наблюдается даже своеобразный языческий «ренессанс». Тут можно припомнить, что курганный похоронный обряд с кремацией покойников продержался в Оршанском Поднепровье (у д. Крапивно Оршанского р-на) вплоть до XVII в.³⁹ В это время раннесредневековые элементы (каменные обкладки могил и др.) в похоронной обрядности возрождаются и на Северо-Западе Беларуси (Браславщина). Хотя и косвенно, но достаточно вероятно это свидетельствует о сохранении «специалистов», которые могли заниматься отправлением такого технологически непростого обряда, как кремация, т. е. остатков бывшей жреческой корпорации. Эти «специалисты», вероятно, продолжали традиционно называться *кревами* или *кривами* (лит. *krivis*) и исполняли функции деревенских старост — руководителей органов местного самоуправления, долгое время независимых от княжеской администрации. По-видимому, в это время лексическое значение литовского слова *krivis* начинает сдвигаться с «языческий священник, жрец» к «сельский староста». В грамоте королевы и великой княгини Боны, изданной в 1544 г. по жалобе крестьян Усвятской волости, есть такая запись: «В них есть обычай стародавний, што они сами старца межи собою выбирают... Ино мы на их чолом битье тепер то вчинили иж они старца межи собою выбранного мають там мети и водлуг давного звыклого их обычая маються в том справовати и радити»⁴⁰. А вот Симон Будный в письме к Генрику Булингеру 1563 г. жаловался на то, что его деятельности, кроме православных и католиков, препятствуют сторонники язычества: «Идол и розличных балъванов вже от колька сот лет так намножило, иже за ними и бога люд посполитый забыл»⁴¹.

Таким образом, когда гуманисты Германии и Польши, а потом и ВКЛ, по примеру своих итальянских учителей стали обращаться к собственной античности Юго-Восточ-

³⁶ *Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 4. S. 238–239.

³⁷ *Ibid.* 239.

³⁸ Narbutt T. *Dzeje starożytne narodu Litewskiego*. T. I: *Mitologia litewska*. Wilno, 1835. S. 438.

³⁹ Левко О. Средневековые погребальные памятники Оршанского Поднепровья // Час, помнікі, людзі: Памяці рэпрэсаваных археолагаў: тэз. дакл. міжнар. канф. (Мінск, 27–30 кастрычніка 1993 г.). Мінск, 1993. С. 73–75.

⁴⁰ Вішнеўскі А., Юхо Я. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных гадоў да нашых дзён). Мінск, 1998. С. 89–90.

⁴¹ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 51.

ной Прибалтики и всего региона ВКЛ, они неизбежно сталкивались с фактами бытования ещё живой языческой традиции. И без их описания не обходится ни один исторический трактат конца XV—XVI вв. Эти факты сразу же, начиная с «Польской истории» Яна Длугоша (окончено в 1480 г.), были ассоциированы с легендой о римском (италийском) происхождении династий литовских князей и крупных шляхетских родов, наиболее полно представленной в белорусско-литовских летописях (первая треть XVI ст.). При этом особое внимание обращается на сходство местных верований и обычаев с соответствующими римскими. Хронист отмечает: «...они чтили те самые святыни, те самые божества, те самые религиозные обряды, те самые празднования, что и римляне до принятия (истинной) веры, когда были ещё язычниками, а именно: священный огонь, который те легковерно считали вечным, а в нём громового Юпитера, огонь, который в Риме оберегался девушками весталками и угасание которого по нерадивости искупалось смертью (виновницы)...»⁴². Далее Ян Длугош продолжает сравнение обычаев литвинов и римлян, приводя в качестве примера почитание святых рощ, в которых, как считалась, живет бог Сильван (Фавн) и иные боги, и подкрепляя сходство строчкой из второй книги «Эклог» Вергилия: «И в лесах тоже жили боги»; почитание змей и ужей, сравнивая его с культом Эскулапа, воплощённого в образе ужа; сожжение трупов покойников; содержание невольников и пр.⁴³

Подобные сравнения приводят почти все авторы XVI в. Чтобы подчеркнуть преемственность традиций, некоторые из них название сакрального центра пруссов и других балтов Ромове (*Romow* у Петра с Дусбурга⁴⁴, *Romowe* в рукописи из секретного архива Кёнигсберга⁴⁵) передают как *Рамнова* < **Roma nova* «Новый Рим», а также сравнивают двух богов из триады, чтимой в Ромове, — Патола и Потримпа — с Диоскурами, в особенности чтимыми в Риме времен империи⁴⁶. Один Филипп Каллимах, итальянец по происхождению и преемник Длугоша на должности государственного хрониста, выступил с категорической критикой «римской теории», подчеркивая сходство обычаев литвинов с теми, которых придерживались кельтские друиды, с одной стороны, и жители Босфора Киммерийского, с другой стороны.

Самой слабой стороной этих палеокомпаративных штудий было то, что их авторы сами, как правило, в Великом Княжестве Литовском не бывали и основывали свои суждения или на очень популярном описании Литвы Пикколомини (папы Пия II), основанном на впечатлениях Иеронима Пражского, или на устных рассказах выходцев из ВКЛ, которые обучались в университетах Европы.

Тем более ценными выглядят сведения, сообщаемые в небольшом трактате польского лютеранского теолога Яна Малецкого (польск. *Jan Malecki*, нем. *Johannes Maletius, Meletius, Menecius*, 1482—1567) «О жертвоприношении и идолопоклонстве древних пруссов, ливонцев и прочих соседних народов» («De Sacrificiis et Idolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentum», между 1547 и 1551 гг.). Трактат представляет собой письмо к уже упомянутому Георгию Сабину по поводу его элегии к Пьетро Бембо. Мотивы его написания Я. Малецкий объяснил во вступительном абзаце⁴⁷:

...continere me non potui, quin ea prae de vano cultu earum gentium comperi, ad te scriberem tibi vtique non ingratum fore sperans, si earum gentium, ad quas fato quodam vocatus es, et in quarum vicinia vitam agis, mores et idolatriam plenius cognosceres. Multi enim superstitiosi ritus, idolatricique cultus passim in his regionib. adhuc occulte seruantur, qui tibi aduenae nondum forte cogniti sunt. Itaque visum est communicare tecum, quicquid de illis compertum habeo. Ac ne longiore vtar prooemio, referam primo sacrificia, quib. olim Borussi, Samogitae, Lithuani, Ruteni et Liuones, coluerunt daemona pro diis, atque nunc etiam multis in locis colunt occulte: deinde superstitiosos quosdam ritus, quibus nuptiae, funera et parentalia, apud easdem gentes celebrantur.

...я не мог воздержаться, чтобы не написать тебе дополнительные сведения, которые я узнал о порочных культах этих народов. Надеюсь, тебе, во всяком случае, будет небезынтересно, когда ты более полно познакомишься с обычаями и идолопоклонством тех народов, к которым ты призван судьбой и в соседстве с которыми ты проживаешь.

⁴² Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. T. I. Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos. P. 555.

⁴³ Ibid. P. 555–556.

⁴⁴ Scriptorum rerum prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit / Theodor Hirsch, Max Töppen, Ernst Strehlke (Herausgeg.). Bd. 1. Leipzig, 1861. S. 53.

⁴⁵ Narbutt T. Dzeje starożytnie narodu Litewskiego. T. I: Mitologia litewska. S. 412.

⁴⁶ Scott K. Drusus, Nicknamed «Castor» // Classical Philology. 1930. Vol. 25. № 2. P. 155–161; Scott K. The Dioscuri and the Imperial Cult // Classical Philology. 1930. Vol. 25. № 4. P. 379–380.

⁴⁷ De religione et sacrificiis veterum Borussorum epistola Io. Meletii ad Georgium Sabinum // Chytraeus, David. Epistolae: Ob miram rerum varietatem stylique elegantiam cuius lectu iucundissimae. Hanoviae, 1614. P. 1053.

Обряд, проводимый литовским языческим движением «Romuva». Фото Гинтаутаса Вашкониса, 2010 г.

Ибо до сих пор в этих районах там и тут в тайне сохраняются многие суеверные обряды и идолопоклоннические культы, которые тебе иноземцу ещё, возможно, не знакомы. Так вот я и решил поделиться с тобой тем, что о них узнал. И, удовлетворившись непродолжительным предисловием, я обращаюсь прежде всего к священнодействиям, которые пруссы, жемайты, литвины, русины и ливонцы (латыши), восхваляя демонов вместо богов, иногда ещё и поныне в тайне проводят во многих местах.

Haec quae de superstitionis ritibus, et ceremoniis illarum gentium narraui, partim ipse vidi, partim ab hominibus fide dignis audiui.

Те (факты), что я рассказал о суеверных обрядах и культах этих народов, частично я видел сам, а частично слышал от достойных доверия людей.

⁴⁸ Ibid. P. 1060.

⁴⁹ Мансикка В. Религия восточных славян. Москва, 2005. С. 252.

⁵⁰ «Ажынкi» = «Дажынкi», як «А(б)копкi» — заканчэнне капання бульбы.

⁵¹ Milosz Cz. History of Polish Literature. Berkeley — Los Angeles — London, 1984. P. 55.

По мнению исследователей, Я. Малецкий, безусловно, опирался на реальные этнографические сведения, особенно что касается описания конкретных обрядов и обычаев и связанной с ними особой терминологии, хотя в его перечислениях прусских богов очевидно влияние каких-то более ранних литературных источников⁴⁹.

Особенность данного трактата в том, что, описывая обряды и культовые практики упомянутых народов (преимущественно из региона ВКЛ), Я. Малецкий приводит их названия и некоторые примеры на языке русинов (*lingua Rutenica*), т. е. по-старобелорусскому: *Зажинки* (*quod lingua Rutenica Zazineck uocatur*), *Ажинки*⁵⁰ (*quod Rutenica lingua Ozineck*), *колтки* — усадебные духи (*qui lingua Rutenica Coltky, Graeca Cobili, Germanica Coboldi, uocantur*) и др. Уже по этой причине трактат может считаться одним из наиболее ранних опытов этнографического описания языческих верований и обрядов белорусов середины XVI ст.

Не менее ценные сведения, сообщаемые Матеем Стрыйковским, мазовшанином по месту рождения, который с 16 лет жил на востоке Великого Княжества и был там и на армейской, и на дипломатической службе. Его «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси» Чеслав Милош охарактеризовал так: «*Это не только история, это красочный, из первых рук рассказ о местных божествах, ритуалах и народных обычаях в Литве. Автор, очевидно, увлечен этой страной первобытных лесов, озер и болот, а также очень чуток к памяти о её средневековых битвах с тевтонскими рыцарями*»⁵¹. Поэтому со знанием дела, рассматривая особенности местного язычества, Стрыйковский неоднократно подчеркивает, что они одинаковые или очень близкие в Пруссии, Литве и Руси (Литовской).

Что существенно, в этих описаниях обязательно проводится сравнение верований, обычаев, а также языка литвинов с соответствующими обычаями, верованиями и языком древних римлян. Это были первые ценные опыты по компаративной мифологии и компаративной лингвистике, которые приобрели самостоятельный дисциплинарный статус только в XIX в.

Ситуация в Германии и в большинстве северо-европейских стран была иной, за исключением Исландии и скандинавских стран, которые, будучи крещеными значительно позже, чем континентальные народы, сохраняли значительно больше живых свидетельств своей дохристианской истории (рунические надписи, образцы скальдической поэзии с рассказами о деяниях богов и героев и т. д.). Это, в конечном итоге, вылилось в разработку тех или иных версий норманизма и готицизма в произведениях шведских авторов XVI—XVII вв., которые опирались на античный миф про Гиперборею и небиблейскую хронологию мировой истории, основанную на платоновском мифе про Атлантиду. Идеология готицизма явно имела отклик в среде некоторых влиятельных магнатских родов в ВКЛ, которые рассматривали Швецию как своего естественного союзника в идеологическом, политическом и военном противостоянии сильным западным и восточным соседям — Польше и Московскому государству.

Безусловно, не только эта ориентация на собственную «локальную (региональную) античность» и активное усвоение античной классики сближает культурную ситуацию в ВКЛ с регионом Северного Ренессанса. Нельзя забывать о том, что проникновение предреформационных идей в регион ВКЛ началось с проповедей Иеронима Пражского, который посетил Княжество в 1413 г. и был благосклонно принят великим князем Витовтом. Гуситы действовали в ВКЛ в течение всего XV в. С начала XVI в. в ВКЛ начинают распространяться идеи Мартина Лютера. Этому способствовало из-

дание Ф. Скориной в 1517 г. в Праге, прежнем оплоте гуситов, Библии на понятном народу языке, а также обучение молодежи в университетах Лейпцига, Витенберга, где М. Лютер в 1517 г. провозгласил свои знаменитые 95 тезисов против папства, и давние экономические и культурные связи земель ВКЛ с Циркумбалтийским регионом, прежде всего через Западную Двину, Нёман, Западный Буг. Окончательно Реформация утвердилась в ВКЛ в 1553 г., когда князь Николай Радзивилл Чёрный, канцлер Великого Княжества Литовского, воевода виленский, публично объявил себя сторонником учения Кальвина. Правда, отныне усиливается и борьба с остатками язычества.

Таким образом, какой критерий определения Северного Ренессанса ни выбрать, и культурные, и конфессиональные процессы в ВКЛ вполне соответствуют тем, что синхронно происходили в других странах Северной Европы. Отличительной особенностью было то, что при этом не утрачивалась связь и с классическим итальянским Ренессансом. Разнообразила ситуацию и вовлеченность ВКЛ в православный мир. А это значит, что в случае ВКЛ XVI в. мы имеем дело со сложным культурно-цивилизационным синтезом, который до сих пор привлекает внимание многих исследователей. И по-видимому, не случайно за этим столетием прочно закрепилось почетное название — «Золотой век».